

2019.02.041. Е.В. ПИСКУНОВА. ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОБЩИЕ ДЛЯ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН МИРА. (Обзор).

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; экспертные ошибки; оценка заключений экспертов.

Современное судопроизводство невозможно представить себе без использования специальных знаний в области науки и техники. Заключение судебного эксперта воспринимается как одно из самых надежных доказательств по делу. В обществе сложилось представление о почти магическом всеилии судебной экспертизы – частично благодаря низкому уровню знаний в области естественных и других наук, лежащих в основе экспертных исследований, частично – благодаря современной массовой культуре с ее детективными фильмами и сериалами [12, с. 1374]. Громкие скандалы, связанные с экспертными ошибками, информация о которых иногда появляется в СМИ, не оказывают существенного влияния на эту уверенность. Вместе с тем ученые выделяют целый ряд проблем правового регулирования, организации и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, которые заставляют сомневаться, что судебная экспертиза действительно так прочно стоит на ногах, как об этом привыкли думать. В США, например, прямо говорят о «десятилетнем кризисе судебной экспертизы» [11, с. 1149].

Анализ российских и зарубежных публикаций позволяет утверждать, что эти проблемы носят глобальный характер и не зависят ни от правовой системы и особенностей национального судопроизводства, ни от уровня экономического развития. Так, обобщая данные по США, Великобритании, Австралии и Швейцарии, к проблемам в области судебно-экспертной деятельности следует отнести: отсутствие стандартов и аккредитации лабораторий; отсутствие единой терминологии и унифицированных подходов к формам выводов; пробелы в образовании судебных экспертов; неполнота изложения хода и результатов исследования в заключении эксперта; недостаточное финансирование и контроль [10, с. 946–948]. В России экспертное сообщество беспокоят те же проблемы: унификация терминологии и методик, стандартизация и аккредита-

ция¹; обучение судебных экспертов [1, с. 9–12] и лицензирование их деятельности [3, с. 156], форма выводов [6, с. 258–260]; контроль и взаимодействие [9, с. 354–357].

Еще одна проблема в области судебно-экспертной деятельности, которая носит универсальный характер, – это проблема выбора между государственными и негосударственными экспертными учреждениями. Например, в Великобритании, так же как и в России, традиционно отдают предпочтение государственным экспертным учреждениям, поскольку они лучше оснащены, лучше контролируются, их сотрудники проходят периодические переаттестации; при этом привлечение как государственных, так и негосударственных экспертных учреждений вызывает сомнение в независимости и соблюдении принципа состязательности сторон – государственные экспертные учреждения аффилированы стороне обвинения, а негосударственные зависят от денег заказчика [10, с. 963–965].

Все перечисленные проблемы влияют на один важнейший аспект судебно-экспертной деятельности – качество предоставляемых услуг, которое определяется совокупностью трех критериев: время проведения экспертизы, ее стоимость и, главное, достоверность выводов.

Все начинается с обучения экспертов – качество их работы зависит от наличия у них специальных знаний как в области конкретной науки, лежащей в основе экспертного исследования, так и в области права, а также от сформированности не только профессиональных, но и общекультурных компетенций, которые обеспе-

¹ В 2016 г. эта проблема вынесена в качестве самостоятельной темы Международной научно-практической конференции, проводимой кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ при Минюсте России) при участии Некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов» – «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности». В 2017 г. она среди других обсуждалась в рамках II Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы», организованной Российским государственным университетом правосудия совместно с Ассоциацией экспертов по содействию экспертной деятельности «Национальный общественный центр экспертиз».

чивают определенный уровень морально-этических принципов и психологических установок и в конечном счете объективность и независимость выводов.

Лицензирование судебно-экспертной деятельности, аккредитация лабораторий, реестр судебных экспертов и их периодическая перееаттестация должны служить барьерами и механизмами, которые позволяют не допустить или отсеять экспертов, не отвечающих установленным требованиям, и обеспечить уровень материально-технического и методического обеспечения, который необходим для качественного проведения экспертных исследований.

Выбор государственного или негосударственного экспертного учреждения также напрямую связан с поиском качества. Сторона защиты стремится получить заключение из негосударственного экспертного учреждения, рассчитывая на независимость от стороны обвинения и также в тех случаях, когда в государственных экспертных учреждениях нет соответствующих специалистов (и то и другое – критерий достоверности). Правоохранительные органы выбирают негосударственные экспертные учреждения в том случае, если в государственных нет соответствующих специалистов (критерий достоверности) либо если в государственных экспертных учреждениях большая очередь и это чревато нарушением процессуальных сроков (критерий времени). С другой стороны, именно стремление правоохранительных органов назначать как можно больше судебных экспертиз в свои ведомственные экспертные учреждения и порождает большие очереди и чрезмерную загруженность экспертов, которая помимо затягивания сроков влияет на эффективность их работы.

Один из шагов на пути к обеспечению одинаковой эффективности деятельности всех экспертных учреждений – стандартизация экспертных методик. Выполнение экспертного исследования в соответствии с утвержденным стандартом означает, что его результатам можно доверять, независимо от того, в государственном или негосударственном экспертном учреждении оно проведено. Кроме того, стандартизация позволяет решить еще одну проблему в области судебно-экспертной деятельности, существующую как в России, так и за рубежом: проблему оценки заключения эксперта следователем и судом.

Самую большую сложность представляет собой как раз оценка достоверности (обоснованности) выводов эксперта, поскольку для ее осуществления необходимы специальные знания, которых ни у следователя, ни у суда нет. Как отличить «мнение эксперта» от «научно обоснованного доказательства»? [10, с. 968–969]. Традиционно для этого предлагается ряд формальных критериев: уровень образования и стаж работы эксперта, полнота исследования, последовательность и логичность изложения, соответствие заключения процессуальным требованиям [4, с. 167–168]. Другие способы: обратиться за помощью к специалисту, использовать не получивший однозначной оценки среди российских ученых механизм рецензирования экспертных заключений [2, с. 122–124] либо также неоднозначно оцениваемый механизм «сопоставительности экспертов» [8, с. 331].

Ни один из этих способов сам по себе не является достаточно эффективным, и оценка достоверности выводов судебного эксперта остается [7, с. 288–290] и является существенным препятствием на пути к принятию справедливого решения. Стандартизация экспертных методик представляется серьезной помощью в оценке достоверности выводов, однако так же не является окончательным решением проблемы. В том числе еще и потому, что отсутствие специальных знаний у следователя и судьи – не единственная причина, затрудняющая оценку заключения эксперта, дело еще и в не критичности восприятия этого вида доказательств, в упоминавшейся ранее вере во всемогущество науки и эксперта как ее представителя.

Можно предположить влияние совокупности предубеждений (в упрощенном виде): «наука всемогуща и позволяет установить любые объективные закономерности»; «заключение эксперта – самое надежное доказательство, поскольку оно научно обоснованное»; «у меня нет специальных знаний, я не разбираюсь в научных методах и не смогу понять исследовательскую часть заключения»; «государственный эксперт лучше негосударственного»; «в моей практике было много подобных заключений экспертов». Эта совокупность предубеждений вместе с чрезмерно высокой загруженностью судей и правоохранительных органов, высоким уровнем нервного напряжения и сжатыми сроками порождает следующую ресурсосберегающую установку: «Если в чем и можно не сомневаться, так это в заключении эксперта из государственного экс-

пертного учреждения». Безусловно, эта цепочка рассуждений носит предположительный характер и требует проверки, однако представляется вполне логичной.

Установку на некритичное восприятие заключения эксперта в некоторой степени поддерживают и сами эксперты, декларирующие наличие методик, позволяющих делать вывод со 100%-ной вероятностью и нулевой возможностью ошибок. В США экспертное сообщество подвергается критике за нежелание сомневаться самих в себе и, как следствие, нежелание разрабатывать методику определения вероятности ошибки для каждой разновидности экспертного исследования: при обучении экспертов натаскивают на решение практических задач по разработанной ранее и не подвергаемой сомнению методике, поэтому рядовые эксперты не проявляют подобной инициативы, а руководство экспертных организаций не хочет тратить значительные средства на проведение научных исследований, которые, возможно, приведут к оспариванию значительной части ранее выданных заключений [12, с. 1371–1378]. Представляется, что такое положение может оказаться частично верным и для нашей страны.

В России дискуссия о надежности экспертных методик смещена в сторону формы выводов и их оценки судом: означает ли категорический вывод отсутствие вероятности ошибки? Где (в процентном выражении) проходит грань между категорическим и вероятностным выводами? Не являются ли все выводы по сути вероятностными? Можно ли считать достоверным доказательством заключение с вероятностным выводом? Может ли суд оценить как недостоверное доказательство заключение с категорическим выводом? [6, с. 260–261]. Представляется, что эта полемика лежит вне области процессуального права: ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и оценивается судом и следствием с точки зрения относимости, допустимости и достоверности – это положение не дискутируется. Вопрос вновь заключается в том, чтобы обеспечить саму возможность оценки заключения эксперта.

Вопрос экспертных ошибок не исчерпывается проблемой надежности методик. Наоборот, самые громкие скандалы связаны с некомпетентностью отдельных экспертов (например, ошибки в экспертизах ДНК, выявленные в США [6, с. 257] и Великобритании [10, с. 974]). Такие ошибки обусловлены самой человеческой при-

родой и не могут быть полностью исключены никаким методическим обеспечением, однако должны подлежать строгой регистрации и систематизации. Они также должны быть учтены при разработке методики определения вероятности ошибок для того или иного вида экспертиз.

Таким образом, набор проблем в области судебно-экспертной деятельности действительно представляется универсальным, несмотря на все различия в истории судебно-экспертных учреждений и системы правосудия, правовых системах, политической и экономической обстановке. Примерно одинаковыми выглядят и подходы к решению этих проблем.

В Великобритании уже более десяти лет действует Судебно-экспертный регулятор (Forensic Science Regulator) – организация, не подконтрольная, но частично финансируемая за счет средств Министерства внутренних дел. В ее задачи входит разработка методических рекомендаций организационного и экономического характера и стандартов в области судебной экспертизы [10, с. 951–980]. Деятельность этой организации оценивается как весьма успешная, однако ее эффективность имеет существенные ограничения, поскольку издаваемые ею документы имеют рекомендательный, а не обязательный характер, и несмотря на обещания государственных органов поддерживать инициативы этого Регулятора, ситуация пока существенно не меняется [10, с. 965–968]. В России разработкой стандартов занимается созданный в 2015 г. Технический комитет № 134, и оценивать эффективность его деятельности еще рано.

Ученые и практики также говорят о необходимости развития правового регулирования судебно-экспертной деятельности. В России речь идет об унификации норм, посвященных судебно-экспертной деятельности, различных процессуальных кодексов и приведении их в соответствие с Федеральным законом о государственной судебно-экспертной деятельности, а также о дальнейшем урегулировании правового положения судебного эксперта [3, с. 152–155; 5, с. 185–188]. Кроме того, на протяжении весьма длительного времени ведется работа по принятию нового федерального закона, который регулировал бы не только деятельность государственных, но и негосударственных экспертных учреждений, – основная причина, по которой он до сих пор не принят, видится в

межведомственных разногласиях. В качестве меры по преодолению межведомственных разногласий на всех крупных конференциях, посвященных проблемам судебной экспертизы, можно было встретить предложения по созданию некоего межведомственного или независимого органа, который координировал бы всю судебно-экспертную деятельность. Постановлением Правительства РФ от 8 декабря 2018 г. № 1502 был создан координирующий орган – Правительственная комиссия по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Цель ее создания – совершенствование судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Остается дождаться начала деятельности этой Комиссии и понаблюдать за ее результативностью.

Список литературы

1. Аминев Ф.Б. О проблеме качества судебно-экспертных исследований и путях ее решения // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 9–14.
2. Жижина М.В. Рецензирование экспертных заключений в судопроизводстве: Ожидание и реалии // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 122–124.
3. Комиссарова Я.В. К вопросу о нормативном регулировании судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 151–156.
4. Кудрявцева А.В. Оценка результатов использования специальных знаний на стадии предварительного расследования // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 163–168.
5. Лазарева Л.В. Нормативное регулирование положения судебного эксперта в уголовном судопроизводстве // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 185–188.
6. Овсянников И.В. О проблеме научной обоснованности заключения эксперта // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 257–262.
7. Самищенко С.С. О некоторых «недостатках» оценки судом «криминалистических» и «судебно-медицинских доказательств (на примерах из практики) // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 287–290.
8. Хмелева А.В. Заключение судебного эксперта: Особенности его оценки следователем // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 329–334.

9. Хрусталев В.Н. Заинтересованность экспертов в деле – основная проблема судебной экспертизы на постсоветском пространстве // Вопросы экспертной практики: Информ. бюлл. Спец. вып. – М., 2017. – С. 353–358.
10. Amoako E., McCartney C. The UK forensic science regulator: a model for forensic science regulation? // Georgia state university law review. – Georgia, 2018. – Vol. 34, N 4. – P. 945–981.
Амоако Э., Маккартни К. Регулятор судебно-экспертной деятельности Великобритании: Модель регулирования судебной экспертизы?
11. Garret B.L. Constitutional regulation of forensic evidence // Washington and Lee Law Review. – Lexington, 2016. – Vol. 73, N 3. – P. 1147–1187.
Гаррет Б.Л. Конституционное регулирование судебной экспертизы.
12. Koehler J.J. Forensics or fauxrensicis? Ascertaining accuracy in the forensic sciences // Arizona state law journal. – Arizona, 2017. – Vol. 49. – P. 1369–1416.
Келлер Дж.Дж. Судебная экспертиза или мошенничество? Установление достоверности результатов судебной экспертизы.

2019.02.042. ЭПШТЕЙН Ж. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ВЛИЯТЕЛЬНАЯ ИЛИ НЕЭФФЕКТИВНАЯ?

EPSTEIN J. The National commission on forensic science: Impactful or ineffectual? // Seton hall law review. – New Jersey, 2018. – Vol. 48, N 3. – P. 743–771.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная политика; Национальная комиссия по судебной экспертизе США; экспертные ошибки.

Жуль Эпштейн – профессор права и директор образовательной программы по адвокатуре юридического факультета им. Джеймса Э. Бисли Университета Темпл в Филадельфии, США. Профессор Эпштейн, будучи членом Национальной комиссии по судебной экспертизе с момента ее создания до прекращения ее деятельности в апреле 2017 г., пытается разобраться, насколько эффективной была ее деятельность.

Деятельность Национальной комиссии по судебной экспертизе США была прекращена решением Генерального прокурора страны. В связи с этим профессор Эпштейн считает необходимым проанализировать и оценить ее эффективность, а также предсказать будущее правосудия без нее, учитывая заявление Министерства юстиции США о намерении продвигать судебную экспертизу и